

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Жизнь и смерть - 1993 - 24-28 мая (1992) - с. 2

ПРИМЕЧАНИЯ К ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ

Все перепуталось нынче. Вместо крещенских морозов — слякоть. Вон как Москву развело! И на Ваганьково талой грязи — по колено. Дальше входа не пройдешь. Да нам и не надо сегодня...

25 января ему исполнилось бы пятьдесят пять лет. Не удалось бы избежать праздничных торжеств, захлебывающихся от восторга статей в центральных газетах, прямых трансляций по всем каналам нашего телевидения. Обойдемся без этого. Пусть все будет, как обычно. Могила в цветах. Фотографии в киосках. Вечно спешащие экскурсанты. И — песни, столь же неуместные на кладбище, сколь и — привычные.

За эти годы чуть было не произошло самое страшное. То, что имел в виду Борис Пастернак, когда писал о другом поэте: «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповинен». Слава Богу, но с Владимиром Высоцким этого не произошло.

Вы огорчаться не должны —
Для вас покой полезней,—
Ведь вся история страны —
История болезни.

И не только страны. Долго еще история каждого из нас будет напоминать распухшую медицинскую карту, в которую какой-то чудак собрал разом все диагнозы и все рецепты. Болезнь затянулась на десятилетия.

Давид Самойлов написал однажды: «А лучше — взял бы я на плечи иную ношу наших дней...» «Иная ноша» — свобода — обещала выздоровление. В одном из своих последних интервью основатель грузинской хельсинкской группы Мераб Костава, в ответ на мой вопрос, не боится ли он новых преследований, сказал: «Главное — внутренняя свобода. Если она есть — тюрьма не страшна». Он заплатил за нее пятнадцатью годами лагерей и ссылок.

Необходимость выбора. Это мучило нас. Не давало уснуть. Но — не было сил. Не было сил, чтобы «выйти на площадь». Крикнуть во весь голос. «Жить не по лжи».

Это мучило и Владимира Высоцкого. Он прошел дальше всех. До предела. До границы. До нейтральной полосы. Остался последний шаг. Перед смертью он зло написал о себе:

И я не отличался от невежд,
А если отличался — очень мало,—
Занозы не оставил Будапешт,
А Прага сердце мне не разорвала.

Нам «повезло» больше: мы уже все забыли. Будто и не в наших карманах лежали партийные и комсомольские билеты. Будто и не мы голосовали единогласно и осуждали единодушно. Долгий путь покаяния был ловко заменен графой в ведомости. Фамилия и имя. Порядковый номер. Дата. Подпись.

Друг мой честно клянется спяна,
Что он всех, если надо, сместит:
«Как же так,— говорит,— вся страна
Никогда никуда не летит!..»

А и впрямь, черт ее знает — эту страну! Как это у нее получается? Вроде что-то происходит в экономике. Вроде что-то меняется в политике. Вроде и над обоими Ильичами подустали смеяться. Но нет, нет самого главного. Путь к «внутренней свободе» оказался бесконечно долгим и безмерно трудным.

Лили на землю воду —
Нету колосьев, — чудо!
Мне вчера дали свободу —
Что я с ней делать буду!!

Толстая бобина на старом магнитофоне делает оборот за оборотом. В хрипящем динамике не всегда и разберешь слова. Но мы слушаем, слушаем, как замороженные. Мы бежали из школы, с последних уроков, к нашему лучшему другу. У него, единственного из нас, — Высоцкий. «Протопи ты мне баньку по-

белому...» «Идет охота на волков, идет охота!» «Я так тогда просил у старшины: «Не уведите меня из Весны!» «Где твой черный пистолет? На Большом Каретном!» Потом будет чай. Разговоры на кухне до вечера. Невыученные уроки. Двойки. Вызовы родителей в школу. И опять — Высоцкий.

Потрясающее ощущение свободы! Как это было нужно нам тогда! Как мы были счастливы, когда слышали его голос! Когда пели его песни. Эта старая магнитная пленка сделала почти невозможное. Помогла сохранить друг друга. Не предать. Выстоять. И каждый из нас — я прекрасно это помню, — возвращаясь вечером домой, бережно поглаживал свой «черный пистолет», лежащий во внутреннем кармане школьного пиджака.

А Владимиру Семеновичу Высоцкому оставался еще один год жизни и творчества. Год невыносимо тяжелой борьбы с собой. Год движения по кругу. По обрыву. Год последнего шага, который он так и не успел сделать. Первым вырвалось на свободу сердце.

Мы — выросли. Мы научились подниматься, когда нас сбивали с ног. Мы стали чуть умнее. И только-только начинаем понимать, что же такое — настоящая свобода. Как дорого она дается.

Открылся лик — я встал к нему лицом,
И он поведal мне светло и грустно:
«Пророков нет в отечестве своем,—
Но и в других отечествах — не густо!»

А на Ваганьково нынче — раскисшая грязь. И даже ко всему привычные экскурсанты не рискуют забираться далеко. И то сказать, — им еще полдня — на ногах! Вот и толпятся около входа.

Да и мы сегодня не пойдем дальше.

Алексей ГЕЛЕЙН.